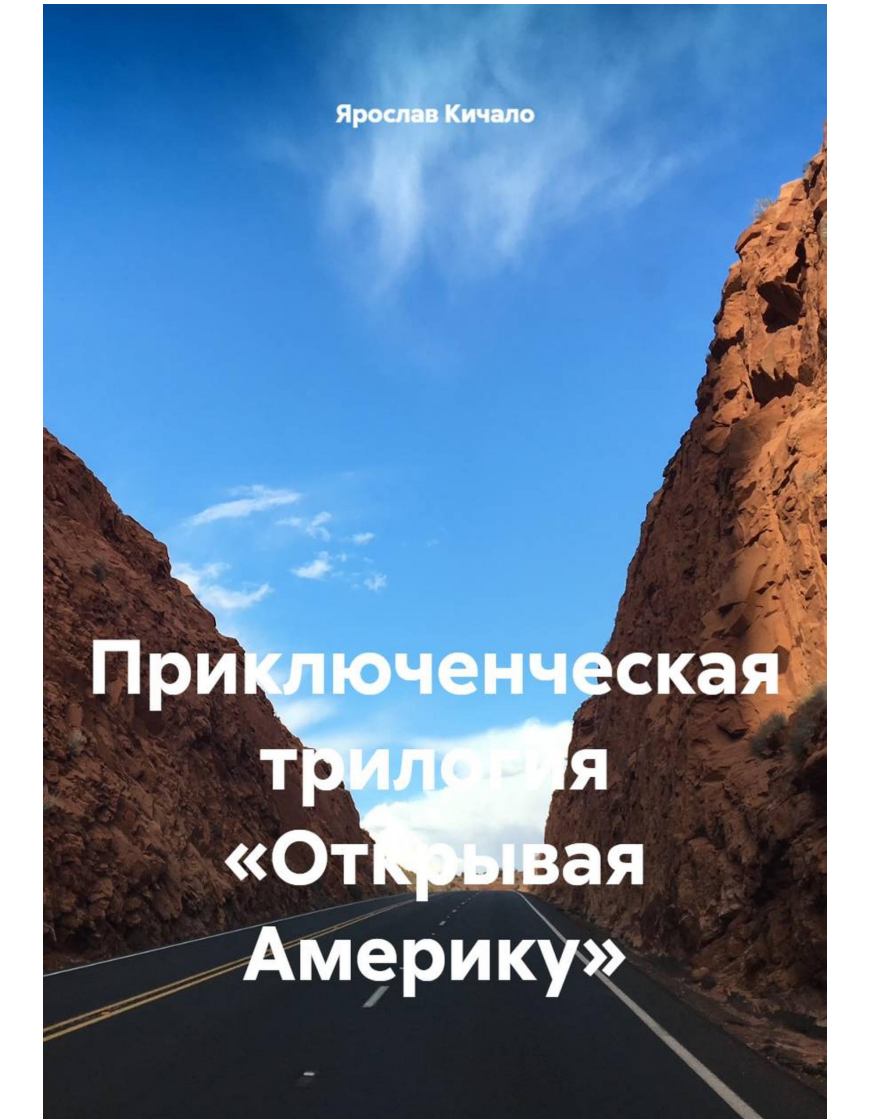

The background of the entire image is a photograph of a desert canyon. A paved road with double yellow lines curves through the center of the frame, flanked by steep, reddish-brown rock walls. The sky above is a vibrant blue with wispy white clouds. The overall mood is adventurous and scenic.

Ярослав Кичало

**Приключенческая
трилогия
«Открывая
Америку»**

Ярослав Кичало
Приключенческая трилогия
«Открывая Америку»
Серия «Приключения», книга 8

*<https://litres.ru/73977833>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что получится, если питерская семья решит проверить на прочность американские хайвеи, горные серпантины и океанские маршруты? Супруги доказывают, что настоящее путешествие — это не скучные экскурсии, а умение с юмором принимать любые вызовы судьбы. Перед вами не академический путеводитель по Соединенным Штатам и странам Карибского бассейна. Это хроника путешествий по Америке.

На протяжении трёх книг героев и их близких мотает по самым культовым локациям США и Карибов. Сменив просторный семейный минивэн на легендарной трассе Route 66 между ветреным Чикаго у бескрайнего озера Мичиган и неоновым Лас-Вегасом на brutальный внедорожник для штурма Гранд-Каньона и Йосемити, они в конце концов пересаживаются в кабриолет во Флориде и уплывают в карибский кризис.

Вас ждёт яркий, уморительно смешной и живой дорожный квест. Основано на реальных событиях из жизни автора и его семьи.

Содержание

Предисловие к трилогии	5
ЧАСТЬ 1	8
(Лас Вегас, Чикаго, Route 66, Лос-Анджелес)	8
Предисловие к части 1	9
Глава 1 Огни, фишки и история неонового плена	11
Глава 2 Ветреный город, мафия	28
Глава 3 Две тысячи миль по «Матери дорог»	32
Глава 4 Огни Ангелов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ярослав Кичало

Приключенческая трилогия «Открывая Америку»

Моей любимой семье

Предисловие к трилогии

Каждое большое путешествие начинается одинаково — с аккуратно собранного чемодана, распечатанных билетов и иллюзии того, что у вас всё под контролем. Но если вы отправляетесь в дорогу с семьей, этот контроль испаряется ровно в тот момент, когда шасси самолета касаются взлётно-посадочной полосы чужой страны.

Перед вами не академический путеводитель по Соединенным Штатам и странам Карибского бассейна. Это хроника того, как идеальные туристические планы разбиваются о суровую, но невероятно смешную реальность, и как из этих осколков рождаются лучшие и самые тёплые воспоминания в жизни.

Идея этой трилогии родилась из простого наблюдения,

что мир слишком велик, многогранен и непредсказуем, чтобы смотреть на него с излишне серьёзным выражением лица. Когда супруги Ярослав и Ирина впервые ступили на американскую землю, они и представить не могли, через что им придётся пройти. Их семейный альбом в итоге пополнился не стандартными открыточными снимками, а кадрами ДТП с полутонной морской коровой в лагуне Бискейн, штурмом круизного ледового катка или бартерным обменом бутылки питьевой воды на гаитянскую грязевую лепешку.

На страницах этой книги вы пройдёте весь путь эволюции автомобильного туриста. Сначала примерите на себя роль семейного экипажа в просторном минивэне на легендарной Route 66 от Чикаго до Лос-Анджелеса. Затем пересядете на мощный полноприводный внедорожник, чтобы замереть от величия Гранд-Каньона, Зайона и Йосемити. И, наконец, опустите крышу залихватского кабриолета во Флориде, прежде чем пересечь на белоснежный четырнадцатипалубный лайнер, чтобы увидеть изнанку карибского рая.

Эта трилогия — напоминание о том, что лучшие маршруты прокладывает не навигатор, а случай. Что чужая страна открывается не через окна пятизвёздочных отелей, а через разговоры с людьми, будь то старик-гаитянин, протягивающий серый кусок высушенной глины в знак благодарности, или удивленный рейнджер, вылавливающий вас из мангровых зарослей Бискейна.

Я хочу поблагодарить моих героев за их неиссякаемый оп-

тимизм, за способность спорить о культуре посреди пустыни Мохаве, терпеть капризы близких и умение с юмором относиться к техническим несовершенствам арендованных машин (и отдельное спасибо Сёме за изречение «мы русские друг друга не обманываем»!).

Пристегните ремни. Впереди — тысячи миль хайвеев, крутые горные серпантины, пиратские тайны, карибский джайв и приключения, которые невозможно выдумать, потому что их написала сама жизнь.

Поехали!

ЧАСТЬ 1

**(Лас Вегас, Чикаго,
Route 66, Лос-Анджелес)**

Предисловие к части 1

Когда тебе переваливает за сорок пять, ты начинаешь ценить не столько сами события, сколько людей, которые проживают их вместе с тобой. Идея этого путешествия родилась безумно: перелететь океан, взять семейный минивэн и проехать через всю Америку по легендарной Трассе 66. Почти четыре тысячи километров асфальта, пустынь, провинциальных закусовых и чужой истории.

Но если бы мне кто-то сказал, как именно эта дорога проверит на прочность мою семью, я бы, наверное, засомневался.

Состав нашего экипажа изначально напоминал пороховую бочку. Я — Ярослав, рассудительный (как мне хочется верить) глава семейства и по совместительству хронический зануда, фиксирующий каждый цент в путевом блокноте. Моя супруга Ирина — хранительница домашнего очага, домохозяйка со стажем и неистребимой привычкой контролировать всё в радиусе километра. Наш сын Кирилл — взрослый парень, который отчаянно пытается казаться независимым. И, наконец, Катерина — его молодая жена, ворвавшаяся в нашу семью всего три месяца назад со своими привычками и железными личными границами. Это было их затянувшееся свадебное путешествие, в которое они (сдуру

или от большой любви к нам) согласились поехать вместе с родителями.

В этом блокноте я собрал всё: наши смешные провалы, исторические справки, которые я зачитывал вслух под заунывные вздохи детей, наши грандиозные скандалы посреди мёртвых пустынь и, конечно, моменты абсолютного, чистого счастья. Мы искали американскую мечту, а нашли друг друга.

Пристегните ремни. Наш Chrysler Pacifica выезжает на хайвей.

Глава 1 Огни, фишки и история неонового плена

Паспортный контроль в аэропорту Мак-Карран Лас-Вегаса мы проходили уставшие, но взбудораженные. Позади были четырнадцать часов перелёта, три часовых пояса и тридцать минут моих бесплодных попыток доказать таможеннику, что три палки сырокопчёной колбасы в моём чемодане — это «сувенирные изделия из дерева», а не контрабанда еды. Колбасу у меня, конечно, отобрали, так что Америку мы начали покорять налегке.

— Слава, посмотри, они тут даже в туалете стоят! — Ирина, моя жена, толкнула меня в бок и кивнула на ряд сверкающих игровых автоматов прямо у багажной ленты.

— Мама, это только разминка, — усмехнулся Кирилл. Наш сын держал за руку свою молодую жену Катерину. Они поженились всего три месяца назад, и эта поездка в США была их затянувшимся свадебным путешествием.

Пока дети разбирались с навигатором, я разглядывал терминал и думал о том, какая удивительная метаморфоза произошла с этим местом. Я читал, что в 1829 году испанский торговец Антонио Армихо назвал эту болотистую местность «Las Vegas», что в переводе означает «Поймы» или «Луга». Тогда здесь был оазис с артезианской водой посреди суровой

пустыни Мохаве. Официально город основали лишь в 1905 году как скромную железнодорожную станцию. Но настоящий взрыв случился в 1931 году: тогда в Неваде легализовали азартные игры, а неподалеку начали строить грандиозную дамбу Гувера.

Мы устроились в суперсовременном отеле Aria.

Вечером первого дня мы вышли на Стрип, главную улицу города.

Лас-Вегас-Стрип — это не просто улица, это гигантская семикилометровая иллюзия, неоновый оазис, дерзко брошенный человеком в самое сердце бесплодной пустыни Мохаве. Когда на город опускаются сумерки, этот асфальтовый каньон оживает, превращаясь в гротескный, сверкающий калейдоскоп, где стерты границы между эпохами, странами и здравым смыслом.

Прогулка по Стрипу ошеломляет и кружит голову. Здесь, на пространстве одного взгляда, спрессована вся мировая география, воссозданная с безумным американским размахом. С одной стороны дороги в калифорнийское небо вонзается стометровая копия Эйфелевой башни, у подножия которой шумит кабаре. Напротив неё, в искусственной лагуне, покачиваются настоящие пиратские корабли. Чуть дальше из асфальта вырастает исполинский чёрный сфинкс и стеклянная пирамида отеля Luxor, из вершины которой в космос бьёт самый мощный на планете световой луч, видимый даже

с орбиты Земли. Архитектурное безумие продолжается венецианскими каналами, по которым поддельные гондольеры катают туристов, распевая итальянские арии.

Воздух Стрипа — это коктейль из сухого пустынного тепла, аромата дорогого парфюма из дверей отелей, запаха жареных стейков и шлейфа запаха сигар. По широким тротуарам течёт нескончаемая, пёстрая человеческая река: чопорные джентльмены в смокингах и дамы в вечерних платьях здесь сталкиваются плечами с беззаботными туристами в шлёпках, уличными фокусниками, двойниками Элвиса Пресли и фриками всех мастей.

Над головами этот людской карнавал накрывает оглушительная, многоголосая звуковая волна: басы уличных колонок смешиваются со звоном монет, гулом автомобильных моторов и криками восхищения. Но главная магия Стрипа — в его свете. Миллионы огромных светодиодных экранов, километры неоновых трубок и бегущих огней превращают ночь в ослепительный, вечный день. Стрип гипнотизирует, он дразнит обещанием лёгкого чуда и заставляет поверить, что в этом городе из стекла и неоновых дыма возможно абсолютно всё.

Вдоволь нагулявшись, мы вернулись в отель и пошли на первый этаж, где располагалось казино.

Я выдал Кириллу и Кате по сто долларов, строго настрого запретив снимать ещё с карт.

Когда мы переступили порог казино, бутафорский, кричащий Вегас остался снаружи, уступив место атмосфере изысканного, футуристического шика. Пространство здесь не давило замкнутостью, как в старых заведениях Стрипа, а поражало своим масштабом: огромные потолки уходили ввысь, а стеклянные стены впускали внутрь мягкий, приглушённый свет вечернего города, который смешивался с внутренним сиянием заведения.

Игровой зал напоминал живой, пульсирующий организм, окутанный тончайшим ароматом дорогого парфюма, табачного листа и едва уловимого запаха свежееотпечатанных долларовых купюр. Звуковая палитра казино завораживала: это была симфония азарта, сотканная из приглушённого шелеста сукна, сухого перестука фишек, деликатного перезвона сотен игровых автоматов и глухого, гипнотического рокота шарика, бегущего по деревянному колесу рулетки.

Каждый стол для блэкджека и покера выглядел как сцена в театре, освещённая направленными лучами мягкого света. В этих лучах матово поблёскивали лакированные борта, а зелёные и глубокие синие суконные поля казались безупречными. За ними сидели люди в безукоризненных костюмах и вечерних платьях, чьи лица отражали весь спектр человеческих эмоций — от ледяного, обманчивого спокойствия до внезапных вспышек ликования.

Цифровые экраны игровых автоматов нового поколения

переливались миллионами оттенков сапфирового, изумрудного и золотого, создавая гипнотический танец бликов на глянцевом гранитном полу. В этом месте время теряло свою власть. Здесь не было часов и окон в привычном понимании, но каждая деталь интерьера — от изящных металлических линий до тёплых деревянных панелей — шептала о роскоши, азарте и той неуловимой капризной удаче, ради которой люди готовы пересечь океан.

Мы сели за стол для блэкджека. Ирина поначалу отказывалась, но после первого же бокала бесплатного шампанского от заведения азартно потребовала «ещё карту», имея на руках жёсткие девятнадцать очков. Дилер посмотрел на неё с глубоким состраданием профессионала, вытащил двойку, и Ирина, закричав на весь зал «Я выиграла!», сгребла в охапку фишки под неодобрительный взгляд чопорного соседа. Кирилл с Катей в это время штурмовали рулетку. Катя вскрикнула от радости — шарик послушно прыгнул в выбранную ею лунку. Мы ушли из казино в плюсе на сорок долларов, которые тут же потратили на четыре гигантских стакана ледяного коктейля в форме пластиковых гитар. Ирина весь вечер пыталась на этой «гитаре» сыграть соло.

Главным же потрясением Вегаса стало шоу «О» от Cirque du Soleil. Когда сцена прямо на наших глазах превратилась в бездонный бассейн, Ирина от избытка чувств так сильно сжала мою ладонь, что у меня хрустнули суставы. Полто-

ра часа мы сидели не шевелясь. Акробаты падали в воду с невероятной высоты, взмывали к куполу, трансформировали пространство так, что логика отказывалась работать.

Если Стрип — это витрина современного, сытого и рафинированного Вегаса, то улица Фримонт — это его быющее, прокуренное и истинное сердце. Именно здесь в начале 1900-х годов начинался город, выросший из пыльного железнодорожного полустанка посреди пустыни Мохаве.

Эта улица абсолютных рекордов и «первых шагов» Вегаса. В 1906 году здесь открылся первый отель (Hotel Nevada), в 1907-м провели первый телефон, в 1925-м уложили первый асфальт, а в 1931-му выдали самую первую в Неваде лицензию на азартные игры. Мы приехали сюда вечером, когда над головами пешеходов ожил знаменитый аттракцион Fremont Street Experience — гигантский арочный светодиодный навес-экран длиной почти в полкилометра, вспыхивающий пятьюдесятью миллионами огней под грохот рок-музыки.

Атмосфера тут была совершенно безумной. Прямо над нашими головами, под неоновым небом, с дикими криками проносились туристы на зиплайне SlotZilla.

— Папа, смотри, ковбой! — Кирилл ткнул пальцем вверх.

Над одним из старых казино возвышался сорокафутовый неоновый ковбой Вегас Вик (Vegas Vic), махавший рукой туристам с 1951 года. Раньше он ещё и двигал сигаретой, а из скрытых динамиков каждые пятнадцать минут раздавалось

его зычное «Хоуди, партнер!» («Привет, напарник!»), пока постояльцы соседних отелей не взмолились о пощаде и динамики не отключили.

Мы весело лавировали в пёстрой толпе, как вдруг Ирина замерла, уставившись на уличную сцену. Там, в свете прожекторов, лихо отплясывали три колоритные пожилые дамы в сверкающих стразами боа и ковбойских шляпах.

— Слава, ну посмотри, какие женщины! — восхитилась жена. — Никаких комплексов! Катя, иди сюда, давай с ними сфотографируемся!

— Ой, Ирина, я стесняюсь, там же люди смотрят, — растерялась Катя.

— Кого стесняться? Вегаса? Да тут половина людей в трусах и перьях ходит! — Ирина решительно схватила невестку за руку и увлекла на сцену.

Через минуту они уже стояли в обнимку с «королевами родео». Катя, поддавшись общей атмосфере безумия, отобрала у Кирилла его ковбойскую бейсболку, лихо заломила её набок и сделала такое залихватское лицо, что уличные танцовщицы дружно зааплодировали. С этого кадра началась наша настоящая, искренняя семейная разгрузка.

На третий день мы арендовали внедорожник и отправились в парк «Долина Огня» (Valley of Fire). Это старейший охраняемый парк Невады, открытый ещё в 1934 году силами Гражданского корпуса охраны природы. Миллионы лет на-

зад, ещё в Юрский период, здесь бушевали песчаные бури, сформировавшие гигантские дюны. Со временем они спрессовались в ярко-алый песчаник Ацтек. Пейзаж казался марсианским, а жара стояла такая, что, казалось, у меня в кармане сейчас закипит мятный «Тик-Так».

Это место, где время словно застыло, уступив место вечности, а сама природа примерила на себя роль безумного художника. Когда наш автомобиль пересёк невидимую границу парка, привычный пустынный пейзаж Невады с его блёклой, пыльной зеленью внезапно оборвался. Перед нами открылась земля, которая казалась декорацией к фантастическому фильму о сотворении мира или далёкой раскалённой планете.

Здесь, посреди безмолвия, возвышаются гигантские скальные замки и башни из песчаника Ацтек. Их цвет невозможно описать одним словом: это не просто красный, это живой, пульсирующий спектр от нежно-розового, напоминающего рассветное облако, до глубокого, терракотового и огненно-алого, граничащего с цветом свежей крови. Миллионы лет назад эти скалы были лишь податливыми песчаными дюнами, но ветер, солнце и редкие, яростные ливни превратили их в застывшие каменные волны. Ветер работал здесь как скульптор-сюрреалист: он выточил в теле гор глубокие сквозные арки, слоистые каньоны и причудливые гроты, похожие на кружево. Поверхность камня местами кажет-

ся шёлковой, гладкой, а местами — иссечённой глубокими морщинами, в которых прячутся густые фиолетовые тени.

Особая магия Долины Огня раскрывается ближе к вечеру. Когда солнце начинает клониться к горизонту, косые лучи прошивают сухой, прозрачный воздух пустыни Мохаве. В этот предзакатный час скалы словно вспыхивают изнутри собственного каменного сердца. Начинается оптическая иллюзия, давшая парку его имя: кажется, что ландшафт охвачен невидимым, бездымным пожаром, и алые языки каменного пламени вот-вот растопят синеву калифорнийского неба.

И посреди этого пылающего великолепия царит звенящая, абсолютная тишина, нарушаемая лишь редким шорохом сухого ветра в ветвях редких кустов креозота. Здесь остро чувствуешь, насколько мимолётна человеческая жизнь по сравнению с этими древними монолитами, помнящими шаги индейцев Анасази и безмолвно полыхающими под солнцем Невады уже тысячи лет.

Мы остановились у скалы *Atlatl Rock*, где на высоте нескольких метров сохранились древние петроглифы индейцев племени Анасази, выбитые на камне более 2000 лет назад.

— Смотрите, какая лестница! Я поднимусь повыше для кадра! — Катя мгновенно взлетела по металлическому настилу к наскальным рисункам. Кирилл пошёл за ней, но от-

влекся на съёмку фотоаппаратом.

Мы с Ириной читали информационный стенд, как вдруг сверху раздался тонкий писк, а затем испуганный возглас Кати:

— Помогите! Он меня заблокировал!

Я бросился вверх по ступеням. Катя стояла на смотровой площадке, прижавшись спиной к древней скале. А прямо перед ней, преградив узкий проход, сидел огромный толсторогий баран (Bighorn sheep) — живой символ этих мест. Животное с тяжёлыми, закрученными в спираль рогами не проявляло агрессии, но с чисто бараньим упрямством жевало сухую колючку, перекрывая единственный путь к спуску. Более того, баран внимательно изучал Катину сумочку, явно примеряясь, вкусная ли у неё кожа.

— Катенька, не шевелись, они чувствуют страх! И не отдавай ему сумку, — закричал снизу Кирилл, пытаясь одновременно навести на барана камеру фотоаппарата.

Тут в бой вступила Ирина. Тяжело дыша, она поднялась на площадку, на ходу доставая из сумки... пачку солёных крекеров.

— Ну-ка, красавец, посмотри, что у меня есть. Пойдём со мной, не обижай девочку, — ласково, как с капризным первоклассником, заговорила моя жена.

Она зашуршала пачкой и бросила один крекер на ступеньку ниже. Баран повёл ушами, оценил угощение и, глухо заблеяв, неторопливо двинулся за едой. Ирина сделала еще

шаг назад, бросая второй крекер. Проход освободился. Катя пулей выскочила из каменной ловушки и буквально упала в объятия свекрови.

— Спасибо, Ирина ! Я думала, он меня там съест! — Катю трясло.

— Ну всё, всё, тише, трусиха, — Ирина мягко гладила её по спине, победно поглядывая на нас с сыном. — Мужчины, как всегда, только с техникой возиться умеют. А девчонку спасти маме пришлось.

Этот случай в Долине Огня стал переломным. Весь вечер Катя постила в соцсети фотографии Ирины с подписью: «Моя свекровь — укротительница дикой природы». Через день мы вылетали в Чикаго.

Но покинуть Лас-Вегас и не доехать до дамбы Гувера (Hoover Dam) было бы туристическим преступлением. Это колоссальное сооружение находится всего в сорока минутах езды от Стрипа. Так что на второй день, выпив кофе, мы погрузились в арендованный внедорожник и взяли курс на Чёрный каньон реки Колорадо.

Пока колеса шуршали по асфальту, я, как обычно, включил режим «экскурсовода» и принялся зачитывать историческую справку. Дети на заднем сиденье синхронно вздохнули, но деваться им было некуда.

— Вы хоть понимаете, куда мы едем? — бодро начал я. — Дамбу Гувера начали возводить в 1931 году, в самый разгар

Великой депрессии. Это был безумный проект президента Франклина Рузвельта в рамках «Нового курса», чтобы дать работу тысячам обнищавших американцев. В пик строительства здесь одновременно вкалывали более пяти тысяч человек. Чтобы вы понимали масштабы: бетона, который залили в тело плотины, хватило бы, чтобы проложить двухполосную шоссеиную дорогу от Сан-Франциско до самого Нью-Йорка!

— Пап, а почему она называется в честь Гувера, если строил Рузвельт? — лениво поинтересовался Кирилл, пытаюсь рассмотреть что-то в окне.

— Герберт Гувер был министром торговли, а затем президентом, и именно он подписал первые документы и урегулировал споры между шестью штатами из-за распределения воды, — авторитетно пояснил я. — Но политики так сильно разругались, что дамбу долгое время официально именовали Боулдер-Дам. И только в 1947 году Конгресс окончательно вернул плотине имя Гувера. На тот момент это была самая высокая плотина в мире — её высота аж 221 метр!

Когда мы наконец припарковались и вышли на смотровую площадку, у всех на секунду перехватило дыхание. Масштаб постройки натурально подавлял. Огромная, выгнутая дугой бетонная стена намертво зажала бурный поток Колорадо, образовав гигантское лазурное озеро Мид.

Ирина сразу вцепилась в перила смотровой площадки: — Слава, какая бездна... У меня ноги подкашиваются. Смотрите, чтобы ветром никого не сдуло!

Мы прошлись по гребню дамбы. Посередине плотины проходит официальная граница двух штатов. Там установлены красивые ретро-часы: одни показывают время Невады, другие — Аризоны. Катя тут же утянула Кирилла делать фотографии в стиле «одна моя нога в Неваде, другая — в Аризоне».

Но самое интересное случилось, когда мы спустились к монументальным бронзовым фигурам «Крылатых фигур Республики» — двум огромным 9-метровым статуям ангелов, которые охраняют въезд на дамбу. Существует примета: если потереть их огромные бронзовые пальцы ног, то путешествие будет удачным. Естественно, пальцы ангелов были отполированы туристами до зеркального блеска.

— Кирюша, иди сюда, потри большой палец — позвала сына Ирина.

Кирилл, решив соригинальничать для кадра, не просто потёр палец рукой, а попытался запрыгнуть на гранитный постамент и обнять ступню ангела. Он резво взмахнул ногами, но в процессе прыжка его широкие карго-шорты намертво зацепились за декоративный выступ гранитного блока. В итоге наш сын повис в крайне нелепой позе: одна нога на постаменте, вторая болтается в воздухе, а шорты предательски трещат по швам на глазах у проходящей мимо группы китайских туристов.

— Папа! Сними меня! Я сейчас порвусь! — прошипел Кирилл, краснея как рак под палящим солнцем Невады.

Катя вместо того, чтобы помогать мужу, согнулась пополам от хохота, судорожно пытаясь поймать фокус на фотоаппарате:

— Кира, не шевелись! Это лучший кадр за весь отпуск! «Человек-паук на постаменте»!

Китайские туристы остановились и начали вежливо, но активно фотографировать «русского акробата». Ирина всплеснула руками:

— Двадцать пять лет парню, а ума как у ракушки! Слава, держи его сзади, я шорты отцеплю!

В итоге мы вдвоём с женой под улюлюканье толпы и щёлканье затвора Катиного фотоаппарата аккуратно эвакуировали нашего наследника с памятника архитектуры США. Шорты выдержали, но Кирилл остаток дня ходил с очень важным и независимым видом, стараясь не смотреть в сторону Кати, которая каждые пять минут прыскала со смеху, вспоминая этот забавный эпизод.

Мы поднялись на огромный автомобильный мост Майка О'Каллагана — Пэта Тиллмана, который висит прямо над каньоном напротив дамбы. Оттуда, с высоты птичьего полета, плотина казалась невероятным памятником человеческому упрямству. Уставшие, слегка обгоревшие на солнце, но невероятно довольные, мы загрузились обратно в наш автомобиль. Нам предстояло вернуться в Вегас, собрать чемоданы и вылететь в Чикаго, где нас ждала легендарная Route 66.

На следующий день, прямо перед вылетом в Чикаго, мы решили закрыть тему американской криминальной романтики и отправились в Национальный музей организованной преступности и правоохранительных органов, более известный как Национальный музей мафии (The Mob Museum). Он расположен в Даунтауне, в монументальном неоклассическом здании бывшего федерального суда 1933 года.

Этот музей — не просто выставка, это настоящий портал в эпоху Сухого закона, где центральной фигурой, разумеется, выступает Альфонсе «Аль» Капоне по прозвищу «Лицо со шрамом». Капоне возглавил «Чикагский синдикат» (The Chicago Outfit) в 1925 году, превратив нелегальный оборот алкоголя, подпольные бордели и игорный бизнес в гигантскую империю с доходом более 100 миллионов долларов в год. Он подкупал полицию, судей и политиков, устраивая жестокие расправы над конкурентами.

Мы медленно переходили из зала в зал, разглядывая кастеты, автоматы Томпсона, старые агентурные прослушки ФБР и личные вещи гангстеров. Самым жутким и завораживающим экспонатом оказалась подлинная кирпичная стена со следами от пуль из заброшенного чикагского гаража, где 14 февраля 1929 года люди Аль Капоне, переодетые в полицейских, хладнокровно расстреляли семерых парней из конкурирующей банды Багса Морана. Эта история вошла в учебники криминалистики как «Бойня в День святого Валентина». Стена была бережно разобрана в Чикаго по кир-

пичикам и выкуплена музеем.

Кирилл заворуженно изучал стену, а я читал на стенде самый ироничный факт из биографии короля мафии: несмотря на сотни убийств и рэкет, Капоне не смогли привлечь ни по одной «мокрой» статье. Его упрятал за решётку скромный отдел налоговой службы: в 1931 году Аль Капоне приговорили к 11 годам тюрьмы за банальное уклонение от уплаты налогов, доказав, что его расходы на роскошную жизнь никак не быются с официальными нулевыми декларациями.

Пока мы с сыном погружались в историю борьбы государства с синдикатами, наши женщины нашли интерактивную зону с электрическим стулом.

— Мама, садись, я тебя сфоткаю! — азартно предложил Кирилл.

Ирина с опаской примостилась на дубовое сиденье и взялась за металлические поручни. В этот момент Катя скрылась за фальш-панелью, где располагался пульт управления экспонатом, и со словами: «Суд идёт! Приговор приводится в исполнение!» — резко опустила бутафорский массивный рубильник.

В ту же секунду под стулом сработал скрытый динамик: раздался оглушительный электрический треск, а встроенные в подлокотники вибромоторы яростно затряслись. Ирина от неожиданности взвизгнула так, что её голос эхом разнёсся по залам бывшего федерального суда, а стоявший неподалеку строгий смотритель-американец подпрыгнул на месте.

— Катерина! — тяжело дыша, Ирина выбралась со стула, пытаясь пригладить вставшие дыбом волосы. — Ты мне чуть инфаркт миокарда не устроила!

— Ирина это же интерактив, для полной достоверности! — хохотала Катя, подбегая к ней и обнимая. — Зато смотрите, какое фото живое получилось! Глаза — как у настоящей грозы мафии!

Смотритель музея, поняв в чём дело, весело покачал головой и понимающе улыбнулся. Из музея мы выходили с целым пакетом сувениров: Кирилл купил себе фетровую гангстерскую шляпу-федору, Ирина — магниты со знаменитым тюремным фото Аль Капоне, а Катя всю дорогу до аэропорта в шутку называла свекровь «Доном Ириной». Вегас оставался позади, а впереди нас ждал Чикаго — город, где вся эта гангстерская история когда-то вершилась на самом деле.

Глава 2 Ветренный город, мафия

Чикаго встретил нас прохладой с озера Мичиган. В офисе проката мы забрали белоснежный семейный минивэн Chrysler Pacifica. Кирилл сначала немного разочарованно протянул, что минивэн — это «машина для пенсионеров-огородников», но, когда я показал ему встроенный в багажник пылесос и кучу розеток, он признал мою правоту.

Пока мы стояли в знаменитых чикагских пробках, я рассказывал семье, что этот город — сердце американского Среднего Запада. Основанный в 1833 году на месте небольшого форта, Чикаго рос с невероятной скоростью благодаря железным дорогам. Но в 1871 году случился Великий чикагский пожар, который уничтожил треть города. Город не просто восстановился — он превратился в полигон для архитекторов, и именно здесь в 1885 году построили первый в мире небоскреб.

Чикаго потрясает своей монументальностью. Это монументальный гимн из камня, стали и стекла, воздвигнутый на границе с вечностью, роль которой здесь безупречно играет озеро Мичиган. Когда стоишь на набережной, город кажется живым, дышащим исполином. Небоскрёбы — от угольно-чёрной, увенчанной двумя антеннами башни Уиллис-тауэр до готических шпилей Трибьюн-тауэр — не просто под-

пирают облака, они ведут непрерывный безмолвный диалог с небесной вышью. Архитектурные титаны Среднего Запада, рождённые из пепла великого пожара, застыли строгим и стройным парадом, демонстрируя миру безупречную геометрию человеческой воли.

А у их подножия раскинулось озеро Мичиган — бескрайнее, как океан, и глубокое, как само время. В ветреные дни оно сердится, катит на берег тяжелые, свинцовые волны с белыми гребнями пены, напоминая о суровом характере этих мест. Но в утренние часы, когда над водой рассеивается прохладный туман, Мичиган превращается в колоссальное живое зеркало. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь дымку, окрашивают воду в палитру от нежно-бирюзового до глубокого ультрамаринового цвета. Озеро ловит отражения стальных фасадов, дробит их в легкой ряби и заставляет строгие, холодные высотки Чикаго казаться хрупкими, парящими над водой миражами. В этом союзе суровой рукотворной мощи и первозданной водной стихии и кроется истинная, магнетическая поэзия Ветреного города.

На следующий день по прилёту в город, мы решили по нему прогуляться. Первой точкой стал Миллениум-парк и знаменитая зеркальная капсула Cloud Gate, которую дети тут же окрестили «Бобом». Мы провели там добрый час, дурачась и разглядывая свои кривые отражения. Я попытался сделать панорамный снимок, но в кадр постоянно влезал

какой-то местный бегун в ярко-зелёных лосинах, который упорно позировал вместе с нами.

Затем был Чикагский институт искусств. Ирина расцвела — она попыталась устроить детям экскурсию:

— Кирюша, посмотри на эти мазки у Моне...

— Мам, мы с Катей отойдем к импрессионистам, ладно?
— мягко перебил её сын.

Чтобы разрядить обстановку, следующей точкой я выбрал ресторан-музей Harry's, подвалы которого в 1930-е годы служили штаб-квартирой Фрэнка Нитти — правой руки Аль Капоне. Это было время Сухого закона, когда мафия фактически управляла городом. Спустившись в кирпичные подвалы, мы рассматривали старые газеты и огромный старинный сейф Нитти, вмурованный в стену.

— Вот это я понимаю, стиль! — загорелись глаза у Кирилла, рассматривавшего пулемёт Томпсона.

— Какая уж тут романтика, Кирюша, — вздохнула Ирина. — Обыкновенные бандиты. Не понимаю, зачем из этого делать культ.

— Ну почему сразу бандиты? — тут же подхватила Катя, приобнимая мужа за талию. — Посмотрите, как они одевались, какие шляпы носили. Это харизма. Сейчас мужчины так не одеваются. Наденут спортивный костюм и думают, что они короли.

Катя многозначительно посмотрела на спортивную куртку Кирилла. Тот поспешно втянул голову в плечи. Ирина вы-

прямилась, готовая ринуться в бой за честь сына, но я вовремя кашлянул и громко зачитал рецепт любимого супа Аль Капоне со стенда.

Вечером мы ужинали знаменитой чикагской пиццей на толстом тесте — deep-dish pizza. Она была больше похожа на пирог с тонной сыра. Кирилл так усердно тянул кусок к себе, что нитка расплавленной моцареллы растянулась метра на два, зацепила Катин нос и повисла на моём ухе. Мы хохотали на весь ресторан, оттирая меня салфетками. За столом, сытые и уставшие, мы наконец расслабились. Утром мы официально встали на начальную точку Route 66 на Адамс-стрит.

Глава 3 Две тысячи миль по «Матери дорог»

После Чикаго наш белоснежный минивэн Chrysler Pacifica уверенно катил на юго-запад по дорогам штата Иллинойс. Этот штат официально называют «Землёй Линкольна» (Land of Lincoln), и его имя здесь написано буквально на каждом автомобильном номере. Примерно через двести километров от Чикаго, когда классический рок по радио сменился какой-то тягучей кантри-балладой, мы свернули с основного шоссе в сторону Спрингфилда — столицы штата. Моей главной целью здесь было посещение Могилы Авраама Линкольна (Lincoln Tomb) на кладбище Оук-Ридж.

— Так, молодёжь, минутка настоящей истории, — объявил я, выруливая на тихую аллею. — Авраам Линкольн, 16-й президент США, который спас страну от раскола в Гражданской войне и отменил рабство, похоронен именно здесь, в Иллинойсе. Он не родился в Спрингфилде, но прожил тут больше двадцати лет, занимаясь юридической практикой, и именно отсюда уехал руководить государством в Вашингтон. Этот грандиозный гранитный монумент со стелой высотой 36 метров построили в 1874 году. Вместе с президентом здесь покоятся его жена Мэри Тодд и трое из четырёх его

сыновей.

Мы вышли из машины. Место было удивительно торжественным и тихим: вековые дубы, идеальный зелёный газон и возвышающаяся над деревьями серая каменная гробница. Перед входом в усыпальницу на постаменте установлена огромная бронзовая копия знаменитого бюста Линкольна работы скульптора Гатсона Борглума (того, что позже высек лица президентов на горе Рашмор).

И здесь нас ждала главная туристическая традиция Иллинойса — большой бронзовый нос Линкольна был отполирован тысячами ладоней до ослепительного золотого блеска. Считается, что, если потереть нос президента, это принесёт мудрость в решениях и удачу в делах.

— О, Кирюша, иди скорее три нос Аврааму! — оживилась Ирина, подталкивая сына к монументу. — Тебе мудрость точно не повредит!

— Мама, ну мне же не десять лет, — пробурчал Кирилл, но к бюсту всё же подошёл.

Поскольку Кирилл после покупки в музее мафии всё ещё не расставался со своей новой фетровой гангстерской шляпой-федорой, он решил сделать пафосный снимок. Он подошёл к Линкольну, протянул руку, чтобы потереть золотой нос, и в этот момент набежавший иллинойсский ветер сорвал гангстерскую шляпу с его головы. Шляпа взмыла вверх и, сделав красивую дугу в воздухе, аккуратным блином приземлилась... прямо на макушку бронзового Авраама Лин-

кольна, застряв между его каменными кудрями.

Великий освободитель Америки теперь стоял в монументальном граните, но в лихой чикагской гангстерской шляпе набекрень.

— Ну вот, — согнулась пополам от смеха Катя. — Был шестнадцатый президент, а стал крёстный отец Иллинойса! Кира, тебе очень идет эта семейная преемственность!

— Сынок, ты только что совершил международное хулиганство на могиле национального героя, — тихо произнёс я, оглядываясь в поисках зрителей парка. Исторический мемориал всё-таки.

Кирилл, красный как помидор, попытался подпрыгнуть, но достать до шляпы не смог. Положение снова спасла женская логика и смекалка. Ирина, ни слова не говоря, расстегнула свой большой дождевой зонт, перевернула его ручкой вверх и, как заправский загонщик скота, зацепила крюком зонта край фетровой шляпы. С третьей попытки шляпа послушно сорвалась с головы президента и упала прямо в руки Кириллу.

Мимо как раз проходила пожилая американская пара. Пожилой джентльмен в подтяжках остановился, внимательно посмотрел на Линкольна, затем на зонтик в руках моей жены, широко улыбнулся и поднял большой палец вверх:

— Great job, ma'am! Lincoln likes style, but he prefers his own hat! («Отличная работа, мэм! Линкольн любит стиль, но предпочитает собственную шляпу!»).

Мы дружно рассмеялись, Кирилл поспешно спрятал федуру в рюкзак, а Катя успела сделать исторический снимок Линкольна в шляпе до того, как мы её сняли. Внутри самой гробницы, среди строгих мраморных залов и золотых надписей, мы вели себя уже тише, проникнувшись величием этого места. Потерев нос великому президенту уже без приключений, мы вернулись в наш Chrysler. Мудрости у нас явно прибавилось, а впереди Иллинойс медленно передавал нас в объятия штата Миссури.

Теперь и этот исторический иллинойсский эпизод занял свое законное место в третьей главе нашего путешествия!

Я снова сел за руль, вывел наш семейный лайнер на хайвей и включил аудиосистему. Классический американский рок звучал по радио, заполняя просторный салон Pacifica плотным гитарным ревом. Хриплый голос Криса Ри сменялся каноническими риффами The Eagles и Creedence Clearwater Revival.

Первые два дня Иллинойс и Миссури мелькали за окном картинками из буклетов. Нашей второй важной остановкой стала заправка Soulsby в Иллинойсе — бережно отреставрированная старинная станция с жёлтыми бензоколонками. Здесь Ирина решила сделать «атмосферное фото» у старого деревянного навеса, но, когда она оперлась на декоративную бочку, оттуда с громким писком выскочил мест-

ный бурундук. Ирина от неожиданности подпрыгнула так, будто под ней взорвалась петарда, и наступила мне на ногу. Бурундук скрылся, фото не получилось, но настроение поднялось у всех, кроме моей левой ступни.

В Оклахоме нас ждал гигантский Blue Whale в Катусе — огромный железный Кит, пришвартованный в тихом пруду. Мы прошлись по его бетонной спине, Кирилл с Катей залезли внутрь его пасти и со смехом махали нам оттуда руками.

Под Амарилло мы заехали на знаменитое Кадиллак Ранч (Cadillac Ranch). Десять старых автомобилей, вкопанных носами в землю посреди тexasского поля. Купив баллончики с аэрозольной краской, мы щедро разрисовали ржавые крылья. Кирилл пытался написать «КИРИЛЛ + КАТЮША», но баллончик внезапно чихнул и выдал жирную кляксу, превратив надпись в «КИРИЛЛ + КАРТОШКА». Катя дулась на него следующие пятьдесят миль.

Дорога плавилась под колесами нашего Chrysler Pacifica, когда навигатор бесстрастно сообщил, что мы приближаемся к крошечному тexasскому городку Адриан с населением чуть больше ста человек. Для любого путешественника по Главной улице Америки Адриан — это сакральное место. Это официальный, географический медиатор или экватор Route 66.

Прямо посреди сонной пустынной улицы на асфальте выведена жирная белая линия. Рядом стоит щит с гербом трас-

сы и гордой надписью: «Chicago 1139 miles — Los Angeles 1139 miles». Проехать мимо было невозможно. Символический лозунг этого места гласит: «Когда ты здесь — ты уже на полпути туда».

Я затормозил минивэн у обочины. Из динамиков по радио как раз гремела бунтарская «Born to Be Wild» группы Steppenwolf.

— Команда, общий сбор на экваторе! — скомандовал я.

Мы высыпали на раскалённый тexasский воздух. Разумеется, первой побежала фотографироваться Катя. Она встала прямо на белую разделительную полосу, расставив ноги:

— Кира, снимай скорее! Моя левая туфля еще в Чикаго, а правая уже стремится в Голливуд!

Ирина сначала ворчала, что асфальт слишком горячий, но уже через минуту мы все вчетвером, взявшись за руки, шагали по этой белой черте, чувствуя себя настоящими первопроходцами, которые одолели первую половину огромного американского континента.

Напротив знака располагалось легендарное Midpoint Café — приземистый ретро-дайнер, открытый ещё в 1928 году, задолго до того, как трассу окончательно закатали в асфальт. Именно владелица этого кафе, Фрэн Хаузер, послужила прототипом для создания персонажа Фло и её знаменитого кафе "V8" в культовом анимационном фильме Pixar «Тачки»!

Внутри кафе встретило нас прохладой кондиционера, мягкими кожаными диванчиками и виниловыми пластинка-

ми на стенах. Запахло жареным беконом, домашними бургерами и знаменитыми на всю Америку «ugly crust pies» — фирменными пирогами с «некрасивой корочкой», рецепт которых здесь держат в строжайшем секрете.

— Я готова много съесть — простонала Катя, падая на ретро-диванчик.

Мы заказали по огромному сочному чизбургеру с картошкой фри, а на десерт — те самые легендарные пироги. Мне и Кириллу достался шоколадно-виски-пекан, а женщинам — яблочно-черничный. Пироги оказались настолько нежными и тёплыми, что Ирина, зажмурившись от удовольствия, выдала:

— Знаешь, Слава, если бы Аль Капоне в своём Чикаго ел такие пироги, он бы никогда не стал бандитом. Он бы просто открыл кондитерскую.

Пока мы обедали, Кирилл умудрился завязать беседу с колоритной хозяйкой дайнера. Узнав, что мы приехали из России и держим путь из Чикаго в Лос-Анджелес на минивэне, она всплеснула руками, назвала нас «сумасшедшими смельчаками» и лично принесла нам по фирменному кофейному напитку за счёт заведения.

После обеда мы переместились в сувенирную лавку прямо при кафе. Вот тут наши женщины оторвались по полной программе. Катя немедленно схватила винтажную жестяную табличку с надписью «Route 66» для их квартиры. Кирилл выбрал зажигалку с гравировкой экватора, а я — тяжёлую

пивную кружку с символикой Техаса.

Но главным хитом сувенирного штурма стала покупка Ирины. На стойке сувениров «Dream Maker Station» она обнаружила забавный фартук с надписью «Я получила Pie-Faced на экваторе Трассы 66».

— Всё, — победно заявила жена, примеряя фартук прямо поверх своего дорожного платья. — Теперь на даче шашлыки будут подаваться исключительно в техасском стиле. Кирилл, сфотографируй мать!

Катя тут же подскочила к ней, поправляя завязки фартука: — Ирина, вам безумно идёт этот стиль 50-х! Давайте я вам ещё эти ретро-очки в белой оправе примерю?

Через минуту они уже вместе позировали перед зеркалом: Ирина в фартуке и очках-лисичках, а Катя в кожаной бандане с эмблемой трассы. Они выглядели как подружки, сбежавшие с уроков, и от их прежней настороженности не осталось и следа.

Упаковав в багажник Pacifica три пакета с сувенирами, магнитами и футболками, мы сытые и счастливые снова сели в салон. На спидометре минивэна щёлкнули заветные мили. Половина пути была позади. Мы оставили Адриан позади, и наш корабль уверенно взял курс на Нью-Мексико, увозя нас навстречу калифорнийскому солнцу.

Настоящее испытание ждало нас дальше, в Аризоне. Пей-

заж за окном стал мёртвым, кондиционер работал на пределе, а усталость от многочасового сидения в замкнутом пространстве начала выжигать нервы. Искрой, из-за которой полыхнуло, стала сушая глупость. Катя, сидевшая на втором ряду, в очередной раз попыталась переключить радиоволну со старого рока на свой плейлист, и случайно уронила на пол бутылку с ледяной колой. Газировка под давлением фонтаном брызнула прямо на спинку кресла Ирины и её любимую дорожную сумку.

— Катя, ну ради всего святого, можно быть аккуратнее?! — взорвалась Ирина, — Мало того, что мы полдня слушаем этот твой монотонный бубнёж, так теперь ещё и вся машина в сиропе!

— Ирина, это вышло случайно! — звонко и с явным вызовом ответила Катя, у которой тоже накипело. — И вообще, мы уже три дня слушаем ваш американский рок-н-ролл семидесятых! Мы тоже имеем право на свои вкусы. Я чувствую себя здесь не в свадебном путешествии, а на экзамене у строгого завуча!

— Что ты сказала? На каком экзамене?! — Ирина медленно повернулась назад. Её лицо побледнело от обиды. — Мы с отцом, между прочим, организовали эту поездку, чтобы показать вам мир! А ты только и делаешь, что сидишь в своём телефоне и фыркаешь! Да если бы не мы...

— Да если бы не вы, мы бы поехали в нормальный отель вдвоём, а не тряслись в этом семейном автобусе по вашей

пыльной глуши! — выкрикнула Катя.

— Мама, Катя, прекратите обе! — попытался вклиниться Кирилл, но его голос потонул в обоюдных упрёках. Ирина задохнулась от возмущения и демонстративно отвернулась к окну, а Катя разрыдалась. Атмосфера в минивэне накалилась так, что казалось, сейчас лопнут стекла.

Я молча сжал руль. Вокруг нас была безмолвная, раскалённая пустыня Мохаве на границе с Калифорнией. Назревала настоящая семейная катастрофа. Впереди показались ржавые остовы построек — это был заброшенный город-призрак Амбой (Amboy), некогда оживлённый перекрёсток, а ныне культовое пепелище у Трассы 66 с одинокой заправкой и легендарной угловатой неоновой вывеской «Roy's Motel & Cafe».

Я резко свернул с шоссе и затормозил прямо на растрескавшемся асфальте у заброшенного кафе. И заглушил мотор.

— Так, экипаж. Всем выйти из машины, — скомандовал я твёрдым, не терпящим возражений голосом.

Горячий пустынный ветер моментально ударил в лицо. Мы стояли посреди мёртвого города. Я подошёл к жене, обнял её за плечи и тихо, но уверенно сказал:

— Ириша, посмотри вокруг. Вот этот город умер, потому что люди просто перестали сюда ездить и разговаривать друг с другом. Мы сейчас сделаем то же самое со своей семьей? Вспомни нас в их возрасте. Дай им дышать. Катя любит на-

шего сына, а это главное.

Ирина посмотрела на меня, её губы задрожали. В этот момент Кирилл вёл Катю в нашу сторону. Катя шмыгнула носом, подняла глаза на свекровь и тихо сказала:

— Ирина ... Извините меня. Про автобус — это я сгоряча. Поездка потрясающая, правда.

Ирина тяжело вздохнула, сделала шаг вперёд и неожиданно для всех крепко обняла Катю:

— И ты меня прости, Катенька. Я вечно лезу со своим контролем.

Чтобы окончательно разрядить обстановку, Кирилл достал из багажника влажные салфетки и авторитетно заявил: «А теперь, дамы, согласно мирному договору, мы идём отмывать салон от колы. Кто плохо трёт — тот сегодня заказывает пиццу. Мы отмыли салон, купили в маленьком магазинчике при заправке Roy's несколько бутылок ледяной воды и снова сели в минивэн. По радио заиграла умиротворяющая «Hotel California» группы The Eagles. Мы выдержали этот кризис. Впереди нас ждал Лос-Анджелес.

Глава 4 Огни Ангелов

Лос-Анджелес встретил нас океанским бризом. Проезжая мимо исторических испанских кварталов, я поделился с попутчиками историей этого мегаполиса. Лос-Анджелес был основан в 1781 году испанскими колонистами, и его полное первоначальное название звучало как «Поселение Девы Марии, Царицы Ангелов, на реке Порсьюнкула». США отобрали эти земли у Мексики в 1848 году, а в конце XIX века здесь нашли нефть. Но главным двигателем города стал кинематограф: в 1910-х годах в район Голливуд потянулись независимые кинорежиссеры, спасаясь от патентных запретов Томаса Эдисона. Солнечный свет 300 дней в году сделал ЛА мировой столицей кино.

Это город контрастов, и нигде это не чувствуется так остро, как на тридцатимильной артерии бульвара Сансет и на безумных променадах Венис-Бич.

Бульвар Сансет — это золотая жила калифорнийского мифа, зажата между крутыми склонами Голливудских холмов и тенью раскидистых пальм. На закате, когда солнце медленно плавится в Тихом океане, бульвар оправдывает свое название, погружаясь в густой сироп янтарного и розового света. Знаменитая полоса Sunset Strip вспыхивает огнями исторических рок-клубов и гигантских глянцевого билбордов, ре-

кламирующих новые блокбастеры. Воздух здесь пахнет дорогим парфюмом, разогретым асфальтом и ночной прохладой холмов. Это дорога амбиций, где мимо роскошных отелей бесшумно проносятся спортивные кабриолеты, а в окнах культовых баров мелькают силуэты тех, кто приехал сюда за своей долей мировой славы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.